

МАКСИМ ВАЙЛЕС

ОСТАВЛЯЮ
СЕБЕ

Максим Вайлес

Оставляю себе

<https://litres.ru/74670009>

SelfPub; 2026

Аннотация

Максим отлично умеет оценивать чужие сокровища. Сложнее убедить себя их продать.

Вместе с Линой он открывает маленькую лавку артефактов. Здесь торгуются за волшебные безделушки, приносят на оценку подозрительный хлам и порой просят скидку на вещь, которая стоит дороже машины.

Но у Максима есть дедушкина записка с необычным секретом: силу артефакта можно забрать себе. Если, конечно, вещь согласится её отдать.

Теперь каждую удачную находку хочется снять с продажи, а аренду всё ещё нужно платить. Лина помогает искать сокровища, спорит с его покупателями и всё чаще остаётся после закрытия. И пока Максим решает, что оставить себе, их скромной лавкой начинают интересоваться люди, которым он предпочёл бы ничего не продавать.

Содержание

Глава 1. Три вещи за одну	5
Глава 2. Точка прибытия	12
Глава 3. Цена без оправы	18
Глава 4. Год за стеклянной дверью	24
Глава 5. Конверт с неправильной описью	29
Глава 6. Последние три минуты	34
Глава 7. Оставлю себе	41
Глава 8. Подтверждённое свойство	47
Глава 9. Зелёная брошь	52
Глава 10. Левый глаз	57
Глава 11. Запах чужого дыма	64
Глава 12. Тёплая ладонь	72
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Максим Вайлес

Оставляю себе

Максим Вайлес

Оставляю себе

Роман

16+

Глава 1. Три вещи за одну

Тим положил очки на мокрый прилавок, и Максим сразу перестал слушать, сколько тому предложили за оправу.

На левой дужке была трещина. Её покрасили коричневым лаком, не попав ни в цвет, ни в толщину слоя, а винтик заменили проволокой. Одна линза казалась чуть темнее другой. В таком виде очки следовало продавать в коробке с надписью «Всё по десять», и только человек, привыкший замечать лишнее, обратил бы внимание, что капля дождя висела с внутренней стороны стекла и никак не стекала.

— Двенадцать тысяч, — повторил Тим. — Деньги сегодня. Без ваших экспертиз и ожиданий.

Максим отодвинул стакан с остывшим кофе.

— Покажи расписку.

— Какую?

— Которую тебе предлагают подписать за двенадцать тысяч.

Тим полез в телефон. За его спиной торговец укрывал брезентом ящики с посудой; вода собиралась в складках и с тихим плеском лилась на асфальт. На соседнем столе сама собой звякала ложка, хотя покупателей возле неё давно не было. Возможно, ложка была артефактом. Возможно, под прилавком работал маленький мотор. На Южном развале оба варианта считались достойным способом заработать.

Максим взял очки за переносицу.

— Только не надевай, — сказал Тим. — Я в них в сарай влетел.

— Через дверь?

— Через стену. То есть стена там была, но я оказался с другой стороны. В ведре.

Максим поднял голову.

На втором этаже здания напротив открывалось окно. Девушка в фартуке вытряхнула половик, посмотрела на дождь с личной неприязнью и скрылась. Под окном, в глубине пустого помещения, горела лампа.

— Ты куда смотришь? — спросил Тим.

Максим не ответил. Он развернул очки к свету и заметил на внутреннем краю оправы крошечный след: три коротких луча, расходившихся от точки. След был естественный, будто металл когда-то лопнул и сам сросся. Покупатель, обещавший Тиму двенадцать тысяч, наверняка уже его видел.

Лина вернулась с двумя бумажными пакетами. На волосах у неё блестели капли; чёлка распалась на отдельные пряди, и она раздражённо убрала их за ухо.

— Горячий только один. Второй продавщица уронила, но сказала, что в пакете всё равно чисто.

— Мне второй, — сказал Максим.

— Я тебе и так второй взяла. Что это?

— Тим продаёт очки.

Лина поставила пакет на прилавок, а потом посмотрела на

Тима так внимательно, что тот сразу уточнил:

— От бабушки остались. Документы есть. Если вы опять про краденое.

— Я про еду хотела спросить. Будешь?

Он отказался. Максим протянул ему телефон обратно.

В сообщении покупателя было написано: «Выкуп непроверенного предмета без гарантий свойств. Обратных претензий не принимаем». Ни слова об очках, зато сумма прописью и место для фотографии паспорта.

— Они знают, что покупают, — сказал Максим.

— Ну и хорошо. Хоть кто-то знает.

Тим говорил легко, но без веселья. С последнего учебного вечера прошло всего две недели, а он уже успел постричься, устроиться в чужую мастерскую и уволиться. Теперь ему требовались деньги на залог за комнату. Вещи бабушки разбирали трое родственников, и очки достались ему после того, как остальные взяли то, что выглядело дороже.

— Дай нам десять минут, — попросила Лина.

Они отошли под козырёк закрытого киоска. Максим положил очки на ладонь, а Лина достала из сумки тонкую карточку с матовой полосой по краю.

— Видел след? — спросила она.

— Поэтому и отошли.

— Я видела, как ты посмотрел на окна. Даже не думай.

— Я думал о проверке.

— У них второй этаж, Макс.

Она сказала это негромко, продолжая держать пакет с булочкой, и Максим почему-то почувствовал себя человеком, которого поймали не на хорошем профессиональном предположении, а на желании залезть в чужой сад.

Он прислонился плечом к стене. Внутри линзы медленно повернулась капля. Матовая полоса на карточке потемнела, когда Лина приблизила её к оправе, а у самого края вспыхнула тонкая зелёная жилка.

Проверка ещё ничего не доказывала, но обычная вещь не ответила бы совсем.

— Редкий, — сказала Лина.

— Четвёртый. Возможно, пятый.

— С треснувшей дужкой.

— Дужка не проводящая.

— Ты так говоришь, будто уже купил.

Максим снял с пальца медное кольцо. Оно оставляло на коже бледную полосу и позволяло находить потерянные ключи, если хозяин точно помнил, как они выглядели. Он носил его четыре года, хотя ключи почти никогда не терял.

Лина перестала жевать.

— Нет.

— Подожди.

— Ты его ещё в школе нашёл.

— Купил. За семьсот. Тогда оно почти не отвечало.

— Я помню, откуда у тебя кольцо.

Он снял с ремня маленький латунный компас и вытащил

из кармана плоскую серебристую коробочку. У коробочки не было крышки: если прижать ладонь к одной из сторон, внутри на несколько минут загоралось мягкое тепло. В холодные поездки Лина отбирала её первой, а потом возвращала в карман Максима, пока он платил за кофе.

Три вещи лежали у него на ладони. С каждой он помнил определённый день, и от этого счёт, который он сейчас производил, выходил неприятно личным.

— Они вместе стоят больше, чем ему предложили, — сказал Максим.

— А очки?

— Если пятый — сильно больше.

Лина посмотрела на него, затем на коробочку.

— Скажи Тиму про очки всё. Не только про наши вещи.

Максим уже открыл рот, но она покачала головой.

— Он учился с нами. Сразу скажи.

У Тима за спиной торговец успел натянуть ещё один кусок брезента, а сам Тим ел булочку, которую, оказывается, всё-таки забрал из пакета.

— Это переход, — сказал ему Максим. — Ты переместился туда, куда смотрел. Скорее всего, редкий артефакт, уровень надо проверять. Я думаю, пятый. За него могут дать тридцать тысяч. Может, больше, если свойства хорошие.

Тим перестал жевать.

— А двенадцать?

— Тебе готовы заплатить за то, что ты сам не знаешь,

сколько они стоят.

Дождь барабанил по брезенту. Соседняя ложка снова звякнула, и торговец, не глядя, ткнул под стол ногой. Звон прекратился.

— И ты хочешь их купить? — спросил Тим.

Максим разжал ладонь.

— Обменять. Эти три я оценил бы в восемнадцать. Состояние ты знаешь. Компас заберёт любой нормальный магазин, кольцо продашь не сразу, грелку тоже. Могу дать контакты. Или помогу выставить очки и возьму десять процентов с продажи. Тогда деньги не сегодня.

Тим долго смотрел на вещи. Максим понимал его: на витрине восемнадцать тысяч выглядели внушительнее, чем три небольших предмета на чужой ладони.

— Компас отдельно сколько?

— Восемь. Если быстро — семь.

— Мастерская брата Веля берёт такие. У меня есть номер.

— Только не называй первую цену сам.

Тим усмехнулся.

— Ты ведь потом продашь очки дороже.

— Надеюсь.

— Сильно дороже.

— Ещё сильнее надеюсь.

Лина отвела взгляд, пряча улыбку, а Тим наконец протянул руку.

Расписку они составили под козырьком киоска. В неё во-

шли номера заключений на три вещи Максима, описание очков, состояние оправы и подписи. Когда Тим ушёл звонить в мастерскую, Максим по привычке провёл большим пальцем по месту, где сидело кольцо.

— Не жалеешь? — спросила Лина.

— Пока нет.

— Врёшь.

— Немного.

Она забрала у него пакет с холодной булочкой и отдала свой.

— Моя тоже почти остыла.

— Тогда зачем?

— В твоей вмятина. Ты сейчас будешь разглядывать её и думать про очки.

Максим собирался возразить, но вместо этого осторожно снял куртку и завернул в неё оправу. До дома предстояло ехать на автобусе. После пяти лет учёбы, всех практик и десятков учебных заключений у него наконец появилась вещь, за ошибку с которой он отвечал собственными деньгами.

Лина пошла рядом. До остановки они успели промокнуть, а Максим поймал себя на том, что держит куртку над очками, оставив собственную голову под дождём.

— Коллекционер, — сказала она и подвинула к нему зонт.

Глава 2. Точка прибытия

Дома очки положили на кухонное полотенце между хлебницей и стопкой непрочитанных писем. Максим снимал квартиру у пожилого знакомого родителей, который раз в месяц спрашивал, всё ли в порядке с трубами, и ни разу не поинтересовался мебелью. Мебель была старше Максима и держалась, по его мнению, главным образом из уважения к хозяину.

Лина сняла мокрые носки и развесила их на спинке стула.

— У тебя опять чай закончился.

— В верхнем шкафу.

— Там коробка из-под чая.

— Посмотри за ней.

Она посмотрела, помолчала и достала жестянку с иголками, двумя пуговицами и квитанцией за электричество.

— Макс, тебе нужна система хранения.

— У меня была. Ты переложила чай.

— В феврале.

Он принёс из комнаты оставшуюся коллекцию. Три вещи поместились на подносе: дорожный фонарь с нерасходуемым маслом, ножницы, которые не резали кожу, и маленький костяной свисток. Свисток успокаивал собак, но только тех, которые не видели свистящего. Когда Максим когда-то проверял его во дворе, пёс дворника обходил сарай с проти-

воположной стороны и начинал лаять заново.

Лина села за стол, поджав ноги.

— Фонарь тоже продашь?

— Если очки окажутся плохими.

— А если хорошими?

Максим посмотрел на пустую коробку с тиснёным дипломом. Она до сих пор лежала на подоконнике, потому что полка, на которую он собирался её убрать, была занята банками, упаковкой от инструмента и предметом, который они оба называли «возможно, пуговица».

— Всё равно придётся.

Лина не стала спрашивать зачем. Объявление об аренде они уже третий день отправляли друг другу, хотя оно висело всего на одном сайте. Небольшой магазин на улице Трёх Мостов. Две комнаты, отдельный вход, сухой подвал, вода. Срок от года.

При первой встрече хозяйка сказала, что хотела бы видеть на месте бывшей цветочной лавки что-нибудь спокойное.

Максим тогда не нашёл, что ответить.

Они перенесли стулья к стене, а стол отодвинули от окна. Лина осмотрела кухню и убрала с пола кошачью миску, хотя кота здесь не было: хозяин квартиры обещал забрать её ещё весной.

— Сначала совсем близко, — сказала она.

Максим надел очки. Мир стал неприятно резким; на обоях проявились тонкие разрывы, которых он раньше не за-

мечал, а на белом подоконнике — следы старой краски. В остальном ничего не изменилось.

— Что чувствуешь?

— Что мне надо помыть окно.

Он выбрал свободное место у двери, где Лина поставила тапок. Сосредоточился. Ничего.

Вторая попытка закончилась тем же. На третьей у него защипало глаза.

Лина протянула руку:

— Дай посмотрю.

Она протёрла линзы, перевернула очки и приложила их к лицу, не надевая. Затем задержала оправу на расстоянии от глаз.

— Капля появляется, когда ты смотришь через правую линзу. Через левую нет.

— Поэтому Тим оказался в ведре.

— Может, он и без очков сумел бы.

На этот раз Максим прикрыл левый глаз. Тапок у двери стал расплываться, а потом внезапно приблизился.

Он качнулся, ударился бедром о косяк и схватился за ручку. Лина вскочила, стул с грохотом отъехал к стене.

Несколько секунд Максим держался за дверь, переживая тошноту. Кухня оставалась прежней, только стол теперь стоял слишком далеко. Пятно на обоях, которое он рассматривал с другого конца комнаты, оказалось у него возле плеча.

— Есть, — сказал он.

— Вижу. Сядь.

— Надо ещё проверить.

— После того как сядешь.

Лина придвинула ему стул, и он послушался. Очки были тёплыми, особенно правая дужка. Нагрев ещё не означал износа, но следовало выждать.

Пока они ждали, она наконец нашла чай — в жестяной банке из-под печенья, которую он считал пустой. Налила две кружки, свою поставила на диплом.

— Ты его зальёшь.

— Он пять лет меня мучил. Теперь моя очередь.

Он рассмеялся, а потом осторожно потянулся за блокнотом. На первой странице записал расстояние и время. Лина взяла второй карандаш и начала рисовать план кухни, чтобы отмечать точки.

Работа заняла полдня. Очки требовали правого глаза, свободного места для прибытия и уверенности в том, куда собираешься попасть. Если Максим сомневался, перемещение не происходило. Если представлял точку слишком близко к предмету, оправа неприятно звенела, но оставляла его на месте.

После третьего перехода подряд трещина на дужке побелела. Они прекратили проверку, пообедали остатками вчерашней лапши и ещё час спорили о расстоянии: шаги Максима были длиннее, чем шаги Лины, а рулетку он куда-то убрал.

К вечеру на столе лежала черновая карточка. Редкий ранг, предварительно пятый уровень. Ограничение по циклу применения. Необходимость обслуживания оправы. Последний пункт Лина подчеркнула дважды.

— Ты правда поставишь тридцать четыре? — спросила она.

— Тридцать шесть. За тридцать четыре отдам.

— А сам за сколько купил бы?

— За двадцать восемь.

— Значит, за тридцать шесть не купят.

— Я не единственный покупатель в Тавейре.

Она посмотрела на него поверх кружки.

— Ты уже придумал, кому показывать?

Максим кивнул. На практике в аукционном доме он встречал людей, для которых несколько десятков шагов без лестниц и дверей стоили дороже, чем весь его маленький поднос. Вопрос был в том, согласятся ли они купить вещь у вчерашнего студента.

Лина протянула к нему босую ногу и зацепила носком край его тапка.

— Твои тоже мокрые?

— Нет.

— Тогда подвинь.

Он снял один тапок и отдал ей. Второй она забрала сама, когда он отвернулся за телефоном.

Сообщение покупателю Максим переписал трижды. В

первом было слишком много объяснений, во втором звучало так, будто он пытался продать подделку, а в третьем осталось только нужное: тип предмета, предварительное заключение, ограничения и предложение осмотра.

Ответ пришёл через шесть минут.

«Завтра. В одиннадцать. И принесите что-нибудь получше кухонного полотенца».

Максим посмотрел на фотографию, которую приложил к сообщению. Из-под очков действительно торчал угол полотенца с вышитой грушей.

Лина наклонилась к экрану и коротко засмеялась.

— Зато понятно, что фотография твоя.

Глава 3. Цена без оправы

Вель Карас принимал посетителей в магазине, где пахло деревом, дорогим кофе и едва заметно — нагретым железом. На витринах лежало меньше вещей, чем у торговца под брезентом, но между ними оставляли столько свободного места, словно платили именно за воздух.

Максим пришёл на девять минут раньше. Лина задерживалась на собеседовании в поисковом бюро и обещала подъехать, если успеет.

— Верес? — спросил мужчина за стойкой.

— Да.

— Я помню вас по практике. Вы тогда поспорили с нашим оценщиком из-за браслета.

Максим поставил футляр на прилавок. Футляр он купил утром за двадцать четыре монарта.

— У него было повреждение застёжки.

— Вы сказали, что повреждение повлияет на удержание щита.

— Повлияло?

Вель не ответил. Он был ниже, чем запомнился Максиму, с короткими пальцами и очень аккуратными ногтями. Когда он открыл футляр, улыбка у него почти исчезла.

— Кто делал заключение?

— Предварительное — я. Полевые проверки проводили

вместе с Линой Орель. Она поисковик.

— Дипломы уже получили?

— На прошлой неделе.

— Тогда поздравляю. Сколько хотите?

Максим назвал цену.

Вель посмотрел на него так, будто поздравление стоило отложить до окончания разговора.

— За треснувшую оправу?

— За переход в пределах прямой видимости. Оправа требует обслуживания.

— Двадцать две.

— Тридцать шесть.

— Я вас слышал в первый раз.

— Я вас тоже.

За дверью магазина проехал грузовик. Свет от окна дрогнул на стекле витрины, а Вель осторожно провёл ногтем по дужке. Максим следил за его руками и заставлял себя молчать. Очень хотелось рассказать обо всех проверках сразу. Желание было опасное: покупатель ещё не спросил, а продавец уже оправдывался.

— Проволока вместо винта, — заметил Вель.

— Видел.

— После ремонта уровень может снизиться.

— После правильного ремонта — нет.

— Вы сами реставрируете?

— Нет. Поэтому и не трогал.

Это, кажется, понравилось покупателю чуть больше, чем сумма.

Они прошли в комнату за магазином. Вель поставил на пол метку, попросил Максима отойти к стене и надел очки. Перед первым переходом он закрыл левый глаз без подсказки. Максим отметил это и окончательно перестал сомневаться, что мужчина понял предмет ещё по фотографии.

Переход вышел бесшумным. Вель оказался возле стола, поправил рукав, затем вернулся. После второй активации он снял очки и передал Максиму.

— Семь шагов. На вашем видео было двенадцать.

— Я выбрал семь, — сказал Максим.

— Покажите двенадцать.

В комнате не было двенадцати свободных шагов, и оба это знали. Вель ждал, не станет ли он обещать больше проверенного.

— На улице можно проверить при свободной площадке. Я не утверждаю предельную дальность. В карточке указано подтверждённое расстояние.

Вель кивнул на дверь, и они вышли во внутренний двор.

На балконе второго этажа мужчина поливал цветы из пустой ладони. От пальцев отделялись тяжёлые капли и падали в длинный зелёный ящик. Обычный дар, удобный летом, хотя внуки этого человека, наверное, считали его скучным.

Максим невольно посмотрел на собственную руку. В школе ему столько раз повторяли, чтобы он опустил её, что ино-

гда жест преподавателя вспоминался раньше чужого имени.

— Здесь, — сказал Вель.

Они провели ещё две проверки. После последней дужка заметно нагрелась, и Максим закрыл футляр раньше, чем покупатель успел предложить продолжить.

— На сегодня достаточно.

— Боитесь, что сломается?

— Берегу товар.

Вель предложил двадцать семь. Максим отказался. Потом было двадцать девять, затем тридцать с условием оставить очки на дополнительный осмотр до следующего дня.

— За тридцать четыре передам сегодня, — сказал Максим. — Вы видели работу. В карточке указаны все ограничения, которые я обнаружил. Других пока не знаю.

— Слово «пока» в такой продаже обычно мешает.

— Если убрать слово, ограничения всё равно останутся.

Лина появилась, когда они уже вернулись к стойке. На ней была белая рубашка, которую она надевала на защиту, а волосы собраны так туго, что Максим сразу понял: собеседование ей не понравилось.

Она поздоровалась, посмотрела на футляр и ничего не спросила.

Вель открыл карточку, перечитал последнюю строку и положил рядом свою визитку.

— Тридцать две. Перевод сейчас. Если заключение подтвердится у моего специалиста — ещё тысяча в течение трёх

рабочих дней.

Максим подумал о кольце, компасе и тепле маленькой коробочки в кармане. Затем о пустом помещении на улице Трёх Мостов.

— Тридцать три сейчас. Дополнительной тысячи не нужно.

Вель посмотрел на Лину.

— Вы его поддерживаете?

— Он вас не уговаривает.

Пауза продлилась ровно столько, чтобы Максим успел пожалеть, что не согласился раньше.

— Документы, — сказал Вель.

На улице Лина расстегнула верхнюю пуговицу рубашки и глубоко вдохнула.

— Ну?

Максим показал уведомление о переводе. Она посмотрела, потом обняла его прямо у дверей магазина. Он не сразу поднял руки: в одной был пустой футляр, в другой телефон.

— Подожди, я сейчас уроню.

— Держи крепче.

Она отступила, и он заметил след от заколки у неё на виске.

— Как собеседование?

— У них уже есть поисковик.

— Зачем приглашали?

— Хотели посмотреть, смогу ли я сопровождать их поис-

ковика. На должности помощника. С испытательным сроком без оплаты.

Максим убрал телефон.

— Ты сказала им, куда идти?

— Я сказала, что подумаю.

— Лин.

— Чтобы успеть красиво уйти, а не объяснять всё в коридоре.

Они постояли возле витрины. За стеклом Вель уже разговаривал с другим человеком, и футляр с очками стоял возле его локтя так естественно, будто принадлежал ему много лет.

Максим протянул Лине руку.

— Поедем смотреть помещение?

— Мы уже смотрели.

— Ещё раз. Теперь можно спрашивать про договор.

Она вложила пальцы в его ладонь и на этот раз не отпустила, когда они дошли до перекрёстка.

Глава 4. Год за стеклянной дверью

Ирма Товель встретила их с рулеткой в руках и сразу сказала, что старый холодильник придётся забрать самостоятельно.

— Мы не просили холодильник, — заметила Лина.

— Вот именно. Поэтому в договор он не входит.

Холодильник стоял в дальней комнате. В прошлом году в нём хранили цветы, а теперь на нижней полке лежала одна высохшая ветка и пустая пачка салфеток. Максим открыл дверь, прислушался и закрыл: внутри было тепло и пахло дождевой водой.

Ирма провела их к окну. Она была полной женщиной с короткими седыми волосами и говорила таким тоном, будто всё на свете можно уладить, если заранее измерить.

— Две комнаты. Передняя — двадцать семь, задняя — одиннадцать. Подвал сухой, но хранить там дорогие вещи не советую. Из подвала есть выход во двор. Сосед слева чинит обувь. Справа закрываются в восемь, после восьми можете шуметь, но не так, чтобы мне звонили.

Лина записывала. Максим рассматривал стены: на штукатурке остались прямоугольники от полок, возле входа темнел след от большой кадки, а над внутренней дверью висел крючок, на котором, вероятно, держали колокольчик.

Он уже знал, куда поставит первый шкаф.

— Полторы тысячи в месяц, — продолжила Ирма. — Первый, последний и залог. Договор на год, продление обсудим за два месяца до окончания. Коммунальные отдельно. Вывеску согласовать. Замки менять можно, ключ от наружной двери оставите мне в запечатанном конверте.

Максим перестал разглядывать стены.

— От наружной двери ключ будет у нас.

— А если трубу прорвёт?

— Я оставлю номер. Приеду.

— А если вы в другом городе?

Лина подняла голову от блокнота. Максим понимал, почему спрашивает Ирма, но представлял витрину с вещами, за которые они будут отвечать перед владельцами, и человека с запасным ключом. Даже приличного человека.

— Можем поставить отдельный запор на склад, — предложила Лина. — У вас доступ только в переднюю комнату. А на случай протечки я согласна оставить контакт аварийной службы и доверенность на вскрытие при свидетелях.

Ирма посмотрела на неё с заметным уважением.

— Учились?

— Да.

— Заметно. Обычно все начинают с «да вы что, мы честные».

Они прошли во двор. Ремонтник обуви курил у двери, придерживая под локтем чёрный сапог. Он кивнул Ирме, а потом Максим заметил, что дым от сигареты сворачивается

в крошечные кольца с ровными углами. Человек делал это не глядя, как другой покачивал бы ногой.

— Артефактами будете торговать? — спросил он.

— Если договоримся, — ответил Максим.

— Тогда без взрывов. Я недавно стеллаж закрепил.

— Мы тоже за то, чтобы стеллаж стоял.

— Меня Борен зовут.

Максим представился. Сапог под мышкой у Борена вдруг тихо скрипнул, и тот машинально похлопал по голенищу.

Ирма вернула их в магазин, положила на подоконник договор и достала из сумки вторую пару очков. Максим потянулся было прочитать, но Лина уже открыла файл с образцом и начала сравнивать пункты.

Он пошёл в заднюю комнату. Оттуда передняя казалась больше. Сквозь пыльное стекло была видна улица: девушка с пакетом апельсинов, мужчина, пытавшийся удержать на поводке низкую упрямую собаку, курьер на велосипеде. Каждый проходил мимо, пока помещение не имело к ним отношения.

Максим присел на корточки и провёл рукой под трубой. Сухо. На полу лежала старая пластиковая ценовая рамка. В ней оставался листок: «Пионы. Не трогать бутоны».

Он перевернул рамку чистой стороной вверх и вдруг представил свою надпись. Писать стоило крупно, чтобы не переспрашивали с порога.

— Макс, — позвала Лина. — Здесь индексация без верх-

него предела.

Он вернулся к подоконнику.

Через час они согласовали потолок повышения, перечень ремонта и ответственность за холодильник. Ещё через двадцать минут Ирма закончила вручную править приложения. Она отказалась снижать аренду, но согласилась дать им двенадцать дней на подготовку без оплаты, если все работы закончат к следующему понедельнику.

— Не закончим, — сказал Максим.

— Девять дней, — ответила Ирма.

— Вы только что сказали двенадцать.

— А вы сразу отказались. Хотела вернуть интерес к предложению.

Лина опустила лицо к договору. По движению плеч Максим понял, что она смеётся.

Они внесли четыре с половиной тысячи. После комиссии и покупки футляра на счёте оставалось меньше, чем утром казалось после удачной продажи, но всё ещё достаточно, чтобы бояться ошибиться всерьёз.

Когда Ирма ушла, Максим долго держал ключи в ладони. На брелоке был засохший лепесток, прилипший под прозрачную крышку.

Лина встала посреди комнаты.

— Холодильник придётся выносить вчетвером.

— Позовём Тима.

— Ты только что обменял ему три хорошие вещи на его

очки. Он может не прийти.

— Я честно сказал цену.

— Я знаю. А холодильник всё равно тяжёлый.

Максим подошёл к стеклянной двери и повернул замок. Снаружи щёлкнула створка соседней лавки; кто-то позвал Борена. Здесь же стало тихо, хотя улица никуда не делась.

Лина подошла следом и посмотрела через стекло.

— Вывеска нужна.

— «Верес и Орель»?

— Похоже на контору, где людям сообщают плохие новости.

— Тогда предложи.

Она задумалась, облокотившись на подоконник.

Максим поднял ценовую рамку и положил рядом с ключами. Лина примерялась к подоконнику: хватит ли места для цветочного горшка. Он отодвинул рамку, освобождая ей край.

На стекле остался след её пальца. Максим попробовал стереть рукавом, потом пошёл искать тряпку.

Глава 5. Конверт с неправильной описью

Вечером они ели на полу. Два стула оказались заняты деталями будущего прилавка, а на столе Максим разложил счета и не позволял ставить рядом соус.

Лина прислонилась спиной к дивану, развернула пакет и вытащила коробочку с лапшой.

— Если ты ещё раз скажешь «в обороте», я съем при тебе твой бухгалтерский блокнот.

— Ты спросила, сколько у нас осталось.

— Я спросила, можем ли мы заказать нормальную еду.

— Мы заказали.

Она подняла коробочку. На дне оставалось три ломтика моркови, а лапша слиплась в плотный прямоугольник.

Максим сунул руку в пакет, собираясь найти салфетки, и задел локтем папку с домашними документами. Конверты посыпались на пол. Один, желтоватый и длинный, скользнул под колено Лины.

— Это ещё что?

Она взяла его двумя пальцами, чтобы не испачкать, и прочла имя.

— Дедушкин, — сказал Максим.

— Ты его открыл?

— Давно.

— Я не про письмо. Конверт запечатан.

— Это я заклеил. Там бумага рассыпается.

Дед умер три года назад, за месяц до летней практики. После похорон Максим несколько раз собирался приехать разобрать шкаф с инструментами, а потом отец перевёз всё сам. В коробке оказались отвёртки, кассеты, сломанный бинокль и конверт, на котором дед написал его имя так уверенно, будто точно знал, когда и кому передаёт.

Внутри лежало короткое письмо и сложенный вчетверо лист. Письмо Максим помнил почти наизусть. Дед советовал не продавать вещь, прежде чем узнаешь, зачем она понадобилась покупателю, и признавался, что сам следовал этому правилу редко, зато каждый раз потом жалел.

О листе было сказано: «У нас его переписывали, когда предыдущий начинал рваться. Считали чем-то полезным. Найдёшь применение — расскажешь отцу, я обещаю, что однажды пригодится».

Максим всегда улыбался на этом месте. Даже в последнем письме дед сумел оставить за ним обязанность доказать отцу, что старьё в доме хранили не зря.

Лина вытерла руки, принесла из ванной полотенце и только после этого развернула лист.

— Это не старинная бумага.

— Копия. Дед сделал с отцовской. Или с дедовой. Уже не помню.

— А что написано?

— Опись. Три чаши, пепел, медь. Кто-то из наших пытался разбирать. Решили, что смесь для очистки.

Она придвинула лист к лампе. Строки шли неровно, а между ними оставались странно широкие пробелы. На полях стояли маленькие угловатые знаки. Максим считал их обозначениями количества, пока Лина не повернула бумагу боком.

— Подожди. Они повторяются.

— Что?

— Знаки. Это не цифры. У нас такое было в описаниях старых находок.

Максим подсел ближе. Лина прикрыла пальцем нижний угол и попросила его придержать противоположный, потому что бумага всё время сворачивалась обратно.

— Видишь? Здесь заканчивается строка. А знак показывает, куда читать дальше. Переписчик сохранил расположение, но не понял порядок.

Она сфотографировала лист, открыла снимок и начала проводить на нём линии. Несколько раз стёрла. Максим доел лапшу, убрал коробочки, поставил чайник, затем вернулся, потому что Лина вдруг перестала двигать пальцами.

— Что?

— Здесь есть слово «согласие». По крайней мере, похоже.

— Для очистки меди смело.

— И «сосуд». Но это может быть любая ёмкость.

Она прочитала несколько слов вслух. Вместе они ничего не означали, однако Максим перестал улыбаться. Слишком уж часто в старых описаниях артефактов сосудом называли не чашу, а сам предмет, в котором удерживалась сила.

— Варенгу отправить? — спросила Лина.

Преподаватель, который вёл у Максима сложную оценку, разбирал исторические заключения так, будто их авторы могли в любой момент войти в аудиторию и ответить на замечание. Он любил чужие ошибки, особенно красивые, и иногда проводил двадцать минут над одной неверной подписью. На практикуме это раздражало. Сейчас Максим впервые подумал, что такая привычка может пригодиться.

— Отправь часть. Без письма.

— Письмо ему зачем?

Он сам не знал. Просто конверт вдруг перестал казаться семейной мелочью, и делиться им целиком не хотелось.

Лина написала преподавателю, приложила фрагмент и спросила, встречался ли ему подобный порядок чтения.

Ответ пришёл, когда она уже собиралась домой.

«Не мойте и не нагревайте. Откуда это у вас? Завтра после двух могу посмотреть».

— Он решил, что мы уже всё испортили, — сказала Лина.

Максим убрал лист в новый прозрачный карман, а старый конверт оставил на столе. Из него выглядывал угол письма с дедовой подписью.

Лина надела куртку и задержалась у двери.

— Завтра до магазина поедем?

— Сначала к нему. Не хочу возить бумагу с краской.

— Хорошо. Только поешь утром.

Он кивнул, а она посмотрела на него ещё секунду, подошла и обняла. Без поздравлений и повода, просто прижалась щекой к его плечу. Максим придержал её за спину; под ладонью шуршала куртка.

— У нас сегодня помещение появилось, — сказала она тихо.

Он посмотрел через её плечо на счета, на жёлтый конверт и на свой тапок под столом, который она наконец вернула.

— Я всё время проверяю ключи.

— Я тоже. Ты мне второй отдал?

Максим полез в карман. Лина засмеялась ему в плечо.

Глава 6. Последние три минуты

Кабинет Варенга оказался меньше, чем Максим помнил. Видимо, раньше тесноту скрывала уверенность, с которой преподаватель занимал пространство вокруг стола. Теперь на стульях лежали книги, на полу стояли коробки, а из приоткрытого шкафа торчал сложенный зонт.

— Садитесь, если найдёте место.

Варенг забрал у Лины лист, положил на чёрную подложку и сразу отодвинул чашку. Движение успокоило Максима больше, чем приветствие.

— Кто копировал?

— Дед.

— До него?

— Его отец. Дальше точно не знаю.

— Семейные архивы — беда исследователя. Все уверены, что раз дед хранил, значит, было зачем.

— Вы поэтому позвали?

Варенг поднял на него взгляд.

— Вы мне прислали половину. Я хотел посмотреть, есть ли вторая.

Лина освободила стул от журналов и села. Максим остался стоять у края стола. На экране преподавательского компьютера было открыто письмо в редакцию какого-то сборника; внизу мигал незаконченный вопрос. Варенг накрыл кла-

виатуру папкой, не сохраняя, и достал увеличительную пластину.

Первые двадцать минут они разбирали расположение строк. Преподаватель пояснил, что переписчик сохранил последовательность знаков, но расположил текст так, как привык читать сам. Из-за этого глаголы оказались отдельно от слов, к которым относились.

— Получилась опись, — сказал Максим.

— Удобное объяснение. Там действительно перечисляются предметы. Но если считать это описью, хозяин зачем-то требует от чаши терпения, а от меди — памяти. Не самая хозяйственная семья.

Лина придвинулась ближе.

— Вы можете прочитать?

— Могу попытаться не наврать.

Варенг взял чистый лист и начал переносить слова. Он работал без торжественности, несколько раз зачёркивал, ругался на пропущенное окончание и один раз вытер переносицу тыльной стороной ладони. Максим стоял рядом, пока не затекли ноги, затем освободил второй стул.

За окном гудела уборочная машина. В коридоре кто-то искал заведующего кафедрой, ошибаясь дверями. Знакомые университетские звуки возвращали неприятное ощущение, что им сейчас напомнят про незакрытую ведомость.

— Это к предмету, — наконец сказал Варенг.

Он подвинул лист.

Текст начинался с обращения. Не к человеку, который собирался что-то делать, а к вещи, у которой просили разрешения. Затем следовали действия: замкнуть круг медью, положить отданное на голую поверхность, коснуться, дожждаться ответа. Золу надлежало насыпать не в чашу, а рядом с ней.

— Погребальный обряд? — спросила Лина.

— Похож. Но здесь не отпускание. «Принять в себя» — если переводить буквально.

Максим перечитал последние строки. На них ушло несколько секунд, потом ещё несколько, потому что смысл был слишком простым для того, как долго над ним думали.

— Вещь отдаёт силу владельцу?

Варенг не ответил сразу. Он снова взял пластину, проверил слово на оригинале, а затем сел ровнее.

— Здесь так написано.

Лина перестала листать записи.

— Полностью?

— Нет. Часть. То, что человек способен удержать. Но это, разумеется, ничего не доказывает. Таких обещаний достаточно в любой старой рукописи.

Максим смотрел на строку, где раньше видел лишь перечень чаш. Рука сама потянулась к бумаге, но он остановился, не коснувшись.

— А вот это?

Варенг наклонился.

— Отказ. Прямо сказано: если нет ответа, не принимать

молчание за согласие. Дальше повреждённое место. Вероятно, о принуждении.

Он проговорил последнюю фразу медленнее и неожиданно посмотрел на Максима, будто только сейчас вспомнил его врождённый дар.

— Если это хоть отчасти осуществимо, Верес, находка серьёзная. Я могу передать копию на чтение специалисту. Есть человек, которому доверяю.

— Мы пока не разрешали копировать, — сказала Лина. Варенг повернулся к ней.

— Конечно. Я предлагаю. Здесь ещё полно неточностей.

Максим заметил, как её пальцы легли на телефон. Экран светился временем. Она посмотрела на него, затем на перевод.

Он понял раньше, чем захотел признать, что понял.

И мог остановить её: достаточно было поднять руку и удержать маленькую область перед собой. Варенг сидел рядом. Лина тоже. За пять лет Максим ни разу не применял к ней дар, даже на учебных проверках.

— Как вы думаете, — спросила она преподавателя, — почему это осталось в семье, а не в архиве?

Варенг начал отвечать. Лина слушала, не отводя взгляда; на вид она просто была внимательнее обычного. Максим чувствовал, как неловко застыла собственная рука у края стола.

— Запись могли принять за хозяйственную, — говорил

Варенг. — Я же и сам сначала... Простите, о чём вы спросили?

Он замолчал.

Лина опустила глаза. Максим забрал чистый лист с переводом, накрыл им старую бумагу и вложил оба в прозрачный карман. Всё произошло почти бесшумно. Уборочная машина под окном продолжала гудеть.

Варенг потёр переносицу.

— Странно. Вы спросили про хранение в семье?

— Да, — ответил Максим. — Вы сказали, что такое часто бывает.

— Бывает. Но эти знаки я бы всё-таки проверил отдельно. Оставьте?

— Сегодня не можем. Я обещал отцу вернуть.

Ложь далась слишком легко. Максим поднялся и вдруг почувствовал, как неудобно держать папку под мышкой, будто её края стали острыми.

Они вышли через служебный коридор. Лина шла быстро, не оглядываясь, и остановилась только у лестницы. На подоконнике стояли пластиковые стаканчики с рассадой; из одного торчала ложка с именем хозяйки.

— Три минуты, — сказала она. — Последние три. Он помнит, что читал, но не помнит, до чего дошёл.

Максим кивнул.

— Ты мог сказать «нет».

— Знаю.

— Я бы остановилась.

— Знаю, Лин.

Она отвернулась к окну. За стеклом студенты бежали через двор, прикрывая головы папками, хотя дождь только начинался. Внизу кто-то смеялся. Всё вокруг было знакомым, и от этого случившееся казалось ещё хуже: они забрали часть обычного университетского дня у человека, который нашёл для них время.

— Он хотел отправить копию, — сказала Лина.

— Хотел спросить разрешение.

— Ты сам видел, что там написано.

Максим открыл папку, посмотрел на перевод и закрыл обратно.

— Я не буду говорить, что это сделала только ты.

Лина помолчала. Затем кивнула, поправила ремень сумки и пошла вниз. Он догнал её на следующем пролёте.

В машине они не включили музыку. До улицы Трёх Мостов ехали двадцать минут, а когда остановились, Максим долго не вынимал ключ зажигания.

— Если не работает, — сказал он, — мы просто... сделали это зря.

— Да.

— А если работает?

Лина посмотрела на запёртую стеклянную дверь будущей лавки.

— Тогда нам придётся очень хорошо думать, прежде чем

делать что-нибудь ещё.

Глава 7. Оставляю себе

Краску они выбирали сорок минут. Лина хотела тёплые стены, Максим — такие, на которых не будут видны следы от полок. Продавец предложил цвет с названием «Утренний туман», и оба отказались, потому что на образце он выглядел зелёным.

В итоге взяли почти белую. Пока не высохла первая полоса, Максим считал, что их обманули.

Тим пришёл выносить холодильник вместе с двоюродным братом. Компас он уже продал за семь с половиной тысяч, грелку оставил себе, а кольцо носил на шнурке, потому что на палец оно не налезало.

— Выгодно поменялся? — спросил он, покосившись на стены.

Максим стоял на стремянке и счищал старый крючок.

— Мы сняли магазин.

— Вижу. Я спросил про очки.

— Выгодно.

— Значит, с тебя обед.

— Договорились.

Лина, проходя мимо с ведром, ткнула Максима локтем в ногу. Он посмотрел на неё сверху, а она только улыбнулась. Она не требовала каждый раз раздавать прибыль, но он видел: ей важно, чтобы Тим ушёл отсюда без ощущения, что

его использовали.

Холодильник застрял в дверях. Затем оказалось, что дверь можно снять с петель, но для этого нужен ключ, которого ни у кого не было. Борен принёс инструмент, посмотрел на холодильник и сказал, что в прошлый раз его заносили без верхней крышки.

— Вы знали и молчали? — спросил Максим.

— Я обувь чиню. Советую только когда попросят.

К обеду во дворе стоял холодильник, в магазине — четыре голодных человека, а Лина звонила по номеру с объявления «Вывезем всё». Мужчина на другом конце соглашался вывезти почти всё, кроме того, что требовалось им.

Максим спустился в подвал проверить проводку и обнаружил, что там прекрасно пахнет сухим камнем. Стены были неровные, потолок низкий, но труба над головой не текла, а под ногами не хлюпало. Он присел у дальней стены и вдруг впервые за несколько дней почувствовал голод.

Вверху хлопнула дверь.

— Макс? Ты где?

Он ответил, но шум улицы заглушил голос. Лина спустилась, держа в руке два завернутых сэндвича.

— Я так и знала.

— Что?

— Найдёшь тихий угол и забудешь вылезти.

Она села рядом на перевёрнутый ящик. Один сэндвич передала ему, другой развернула сама. На запыстье у неё беле-

ла полоска краски, а возле уха застряла пыль от штукатурки.

Максим снял её кончиком пальца.

— Не размазывай, — сказала Лина.

— Уже убрал.

Она провела ладонью по волосам, не поверив, и прижалась плечом к его плечу. Сверху Тим спорил с братом о том, куда увезти холодильник, чтобы это не считалось незаконным складированием. Через вентиляционное окошко тянуло ветром.

— У нас получится? — спросила Лина.

Максим посмотрел на голую стену.

Ответ «да» был самым простым и самым ненадёжным, а сказать «посмотрим» сейчас казалось трусостью.

— В этом месяце надо продать ещё хотя бы две вещи. Тогда не будем трогать твой запас.

— Он уже наш. Я перевела.

— Ты собирала на полевую лицензию.

— Осталось достаточно на подачу. А для лицензии всё равно нужна практика. Ты мне её обеспечишь в невероятном количестве.

Он повернулся к ней. Лина жевала, глядя на узкую полоску света у лестницы, и казалась совершенно спокойной. Он знал, сколько ночей она просидела над отчётами по поисковой практике, прежде чем решилась отправить заявку в реестр самостоятельных специалистов.

— Я верну тебе отдельно, — сказал он.

— Мы это уже обсуждали.

— Лин.

— Ты бы сейчас согласился работать, если бы лавка была только моей?

Максим не ответил.

— Вот и я не соглашусь. Дай салфетку.

Салфетка у него оказалась одна. Они разорвали её пополам, и Лина вытерла краску с запястья, размазав ещё сильнее.

К вечеру поставили прилавок. Старый цветочный стол пришлось распилить, ножки укоротить, а на торец наклеить защитную полосу. Стеклянную витрину обещали привезти через два дня. Пока Максим расставил на подносе три вещи, которые оставалось продать, а Лина принесла рамку с новым листком.

— Нашла название? — спросил он.

Она развернула рамку.

«Оставлю себе».

— Это плохое название для магазина, — сказал Максим.

— Зато честное. Каждый раз, когда я спрашиваю, что ты собираешься сделать с находкой, ты отвечаешь именно так.

— Не каждый раз.

— Очки ты вчера хотел оставить.

— Они хорошие.

— Поэтому и название подходит.

Он поставил рамку на прилавок. Из двора тянуло холо-

дом, свежая краска ещё пахла, и часть букв скрывал собственный локоть, но название неожиданно легло на помещение так, словно они искали его не один вечер.

Первым покупателем стал Борен. Он зашёл за оставленным ключом и увидел ножницы.

— Кожу режут?

Максим объяснил, что человеческую — нет, зато шов на рукаве перережут без проблем. Борен сначала засмеялся, а потом взял ножницы и долго рассматривал лезвия.

— Моей сестрегодились бы. Она шьёт. Вечно пальцы в пластыре.

— Четыре тысячи восемьсот. Заключение и месяц на проверку заявленного свойства.

Борен положил ножницы на место.

— Я просто посмотрел.

Максим почувствовал, как хочется сразу назвать меньшую сумму. Сосед помог им с холодильником, да и вещь он когда-то купил гораздо дешевле. Но теперь за ценой стояли аренда, документы, витрина и обещание вернуть деньги, если что-то окажется неверным.

— Можем оформить комиссионную продажу вашей старой застёжки, — сказала Лина. — Вы рассказывали, что она лежит без дела. Если оценка устроит, разницу доплатите.

Борен задумался.

— Завтра принесу.

Когда он ушёл, Максим посмотрел на Лину.

— У него есть застёжка?

— Сегодня сам сказал. Ты в это время измерял холодильник.

Она поставила рамку ближе к стеклу, развернув к улице.

— Видишь, я тоже иногда слушаю покупателей.

Глава 8. Подтверждённое свойство

Настоящая витрина прибыла с царапиной. Водитель считал, что царапины нет, пока её не видно с расстояния вытянутой руки. Максим считал, что его руки достаточно длинные, чтобы всё прекрасно видеть. Они стояли у входа и спорили, пока Лина не положила рядом с повреждением монету и не сфотографировала.

После фотографии водитель сразу нашёл номер человека, который решал вопросы скидки.

Витрину всё-таки приняли. Сумму уменьшили на сто сорок монартов, и Максим поймал себя на смешном удовольствии: за десять минут он как будто заработал денег, хотя на самом деле просто купил поцарапанную вещь чуть дешевле.

В следующие дни он стал замечать такие ловушки чаще. Скидка на шкаф, который не помещался в заднюю комнату. Упаковка на пятьсот предметов при семи собственных лотах. Предложение оплатить рекламное место на год вперёд, чтобы получить две недели в подарок.

Деньги расходовались тихо и убедительно.

На чеках они писали, чья покупка. Однажды Максим обнаружил три одинаковые отвёртки, а Лина — два оплаченных объявления с одним и тем же снимком. Папку после этого завели общую.

Первые посетители заходили из любопытства. Женщина

с собачкой спросила, можно ли артефактом отучить соседей шуметь. Мужчина в хорошем пальто хотел узнать, сколько стоит оценка, а услышав цену, предложил «просто примерно посмотреть». Двое подростков долго изучали дорожный фонарь и ушли, когда Максим попросил не пробовать открывать резервуар ногтем.

Борен принёс застёжку. Она удерживала край одежды при сильном ветре, но на третьей проверке отпускала, а затем требовала несколько часов покоя. Максим объяснил это, записал и предложил цену ниже, чем ожидал сосед.

— Ты же сам артефактами торгуешь, — сказал Борен.

— Поэтому и записал ограничение.

— У другого его не будет.

— На бумаге — возможно.

Борен ушёл со своей вещью. На следующее утро вернулся и молча положил её на прилавок. Они договорились о зачёте трёх тысяч в счёт ножниц, а разницу сосед доплатил. За ножницами пришла его сестра: попробовала лезвия на лоскуте, осторожно провела по ладони и вдруг рассмеялась. На прощание она обещала подшить Лине брюки. Та немедленно спросила, можно ли принести двое.

Потом позвонила женщина по имени Эсса Вален. Она нашла объявление о свистке и хотела понять, сможет ли пользоваться им во время выездов с бездомными животными.

Максим рассказал об ограничении. Женщина задавала много вопросов, несколько раз просила повторить и в конце

сказала, что за такую сумму её коллеги посчитают покупку безумием.

— Можете приехать проверить, — предложил он. — Если не подойдёт, ничего не должны.

Лина, сидевшая за компьютером, подняла глаза.

— С собаками? — уточнила женщина.

Максим посмотрел на новую витрину.

— Давайте мы к вам.

Они поехали после закрытия. На окраине города, за складом доставки, располагался маленький приют с сетчатым забором. Эсса встретила их в куртке с разорванным карманом. На указательном пальце у неё светилось слабое золотистое кольцо — собственный дар: она могла на несколько секунд облегчить зуд. Когда к ним подбежала собака с расчёсанным ухом, женщина машинально прикоснулась к ней, продолжая разговор.

Проверять пришлось из-за угла. Эсса усмехнулась, когда поняла условие, но всё-таки спряталась за будкой. Свисток издал звук, больше похожий на короткий выдох, и лай в ближайших вольерах ослаб. Один пёс продолжал ругаться с прежним упорством.

— Этот вас видел, — сказала Лина.

— Он меня по походке узнаёт.

На второй проверке они отошли к хозяйственному сараю. Эсса спряталась за стеной, Лина осталась наблюдать, а Максим держал секундомер. Когда звук повторился, несколько

собак улеглись, одна перестала крутиться на месте и посмотрела в сторону дороги.

Женщина вышла через минуту. На лице у неё было выражение, от которого Максим сразу понял: вещь подошла.

— Можно в два платежа? — спросила она.

У него возникло знакомое чувство, будто кто-то осторожно дёрнул за внутреннюю нитку. Он назвал цену — пять тысяч двести — и заранее решил, что не будет её уменьшать, потому что уже сделал скидку по объявлению. Сейчас стоило просто ответить, что рассрочки у них нет.

Лина молчала, не помогая ни одной стороне.

— Первый сегодня, — сказал Максим. — Второй через месяц. Артефакт пока остаётся нашим до полной оплаты. Это надо будет оформить.

Эсса кивнула так быстро, что у него уже не получилось добавить строгого тона.

На обратном пути Лина вела машину, а Максим составлял короткий договор. Свет фонарей проходил по её лицу ровными жёлтыми полосами.

— Я не ради тебя согласился, — сказал он.

— Я ничего не говорила.

— Ты так смотрела.

— Я смотрела на собак.

Он перечитал пункт о сроке оплаты и убрал телефон.

— Если не заплатит, неудобно будет забирать.

— Будет.

— Вот поэтому я и не люблю рассрочки.

— Ты первую оформляешь.

Максим отвернулся к окну, и Лина улыбнулась, не поворачивая головы.

В квартире они нашли на столе дедушкин перевод. Несколько дней его отодвигали, чтобы не испачкать, а потом возвращали обратно. Максим сел, положил ладонь рядом с листом и вспомнил, как легко согласился оставить свисток в приюте. Без особого расчёта, потому что увидел, зачем он нужен.

В старом тексте говорилось об ответе вещи. До сих пор он представлял это как проверку: выполнил условие, получил знак. Но свисток охотно отвечал Эссе ещё до того, как она успела стать его владельцем.

— Лин, — позвал он. — Мне кажется, мы неправильно начинаем.

Она вернулась из прихожей, всё ещё держа в руке ключи.

— Что именно?

— Мы ищем, что надо сделать с артефактом. А надо понять, для чего он сам хочет быть нужным.

Лина вернулась к столу и придвинула лампу к переводу.

— Тогда я за свисток, — сказала она. — С ним хотя бы понятно, чего хотят оба.

Глава 9. Зелёная брошь

На следующей неделе Лина уехала на первый самостоятельный поиск. Задание было небольшое: осмотреть дом перед продажей, отделить настоящие находки от подозрений владельца и составить перечень. Хозяин был уверен, что артефактами за последние годы стали несколько предметов, потому что в доме постоянно пропадали носки.

— Возможно, там просто стиральная машина, — сказал Максим.

— Тогда она хотя бы одна будет со мной разговаривать.

Он проводил её до машины, проверил, положила ли она запасную батарею, и получил в ответ взгляд, которым обычно останавливали заботу, переходящую в инструктаж.

Лина вернулась через два дня с двумя заключениями, оплаченной работой и коробкой яблок. Носки нашлись за сушилкой. Артефактом оказалась старая запонка, позволявшая на несколько мгновений приглушить запах рядом с собой. Хозяин продавать её отказался, но разрешил Лине указать находку в отчёте.

Максим слушал, поставив коробку на весы для посылок, пока она рассказывала. Сумма за поиск была скромной, однако он заметил, как бережно она убрала подписанный акт в свою папку.

— Я привезла ещё кое-что, — сказала Лина.

Из отдельного кармана появилась зелёная брошь: металлический лист, сложенный вокруг тусклого камня. У края расходились три тонкие прожилки. На первый взгляд обычное украшение, тяжёлое для своего размера.

— Продают?

— Знакомый хозяина. У него жена заболела, нужны деньги. Он хотел сдать в выкуп, но там предложили совсем мало. Максим осторожно повернул брошь.

— Что делала?

— Щит. Небольшой. Показывали старое заключение: редкая, четвёртый уровень. Последняя проверка два года назад.

— Документы привезла?

Лина достала копии. Максим почувствовал знакомое возбуждение и заставил себя сначала дочитать их до конца.

Владелец просил девять тысяч. Новая исправная брошь с такими свойствами стоила бы больше двадцати, но заключение устарело, а в одном месте камень сидел неровно. Владелец объяснил это заменённой иглой.

Лина уже провела простую проверку. Короткий щит возникал, принимал брошенную деревянную фишку и исчезал без заметного нагрева. Она не испытывала его под серьёзной нагрузкой, потому что в доме не было подходящих условий.

Максим положил брошь на чёрный коврик. Прижал, дождался слабого сопротивления и поднял перед собой ладонь.

Щит открылся почти сразу, гладкий, чуть зеленоватый. В его поверхности отражалась лампа; пальцы Максима каза-

лись длиннее, чем были. Он попросил Лину бросить пластиковый шарик, затем деревянный брусоч. Оба предмета упали на коврик, не достигнув руки.

После четвёртой проверки щит стал уже.

— Отдых, — сказала Лина.

Максим кивнул. Он хотел проверить ещё раз, но услышал в памяти свой собственный голос в магазине Веля: «Берегу товар».

Владелец приехал вечером. Невысокий мужчина с красными от ветра руками привёз оригинал заключения и пакет с запасной булавкой. Он говорил тихо, за брошь не хватался и на вопросы отвечал без раздражения.

Максим предложил восемь тысяч, взяв на себя повторную оценку. Мужчина согласился слишком быстро. Потом извинился и спросил, нельзя ли перевод сегодня, потому что утром ему надо оплатить поездку.

После подписания документов он задержался у выхода.

— Она отцу принадлежала. Я сам надевал редко. Если у вас спросят, она без неприятных свойств. Мы всегда нормально пользовались.

Максим проводил его взглядом и убрал брошь на склад.

На следующий день они арендовали час в испытательном помещении при учебном центре. Максим не хотел возвращаться в вуз ради каждой покупки, но другого доступного стенда у них пока не было.

Сначала всё шло хорошо. Брошь выдержала два слабых

удара, затем третий. На четвёртом, который должен был находиться в пределах старого заключения, защитная поверхность дёрнулась и опала.

Мяч ударил Максима в плечо.

Удар был не опасный, но тяжёлый и неприятный. Он отступил, схватился за сустав и только после этого понял, что камень у него на ладони стал холодным.

Лина остановила механизм.

— Макс?

— Нормально.

— Покажи.

Он разжал руку. Зеленоватое стекло внутри броши как будто потускнело, хотя при одинаковом освещении было трудно доказать разницу. На краю камня проявилась белая нитка.

Они ждали пятнадцать минут. Щит не вернулся.

В машине Максим молчал. Плечо ныло, но раздражало не это. Он сам поставил подпись под карточкой приёмки, сам решил, что трещина поверхностная, сам подумал, сколько можно будет заработать после чистки и обслуживания.

Лина некоторое время не заводила двигатель.

— Позвоню владельцу, — сказал он.

— Спросить, замечал ли он сбой?

Максим посмотрел на неё. Он собирался задать вопрос жёстче.

— Ты видела, как он спешил.

— Он говорил, куда спешит.

— Теперь мы должны ему верить?

— Мы должны сначала спросить.

Продавец признал, что давно не проверял брошь под нагрузкой. Деньги он уже потратил, но обещал частичный возврат. Максим записал его слова и заказал у Дениса осмотр: ждать перевода, не зная, что продал, было хуже.

Максим смотрел на белую нитку в камне. В голосе владельца не было ничего, за что удобно было бы зацепиться.

— Пока не надо, — сказал он. — Мы разберёмся.

Лина завела машину только после того, как он убрал телефон.

— У меня есть один контакт, — сказала она. — Не обещаю, что поможет.

— Дорого?

— Не знаю. Он в первый раз с меня взял яблоками.

Максим повернулся к ней.

— Лина.

— Тогда у меня тоже только яблоки были.

Глава 10. Левый глаз

Денис Ровен работал на втором этаже над мастерской по ремонту бытовых приборов. К нему вела узкая лестница с ковриком на каждой второй ступени. На первом висела записка: «Если несёте тяжёлое, звоните снизу». Максим прочёл её уже наверху и решил не возвращаться.

Дверь открыл молодой мужчина в тёмной футболке. Волосы у него торчали на затылке, а на щеке остался тонкий след чего-то серебристого. Он посмотрел на Лину, затем на футляр в руках Максима.

— Опять яблоки?

— Брошь, — сказала она.

— Уже интереснее. Я Ровен.

Максим представился. Денис освободил край стола, убрав кружку в ящик, словно она имела там законное место.

В мастерской было тесно и светло. Лампы стояли на гибких ножках, полки поднимались до потолка, а вдоль стены тянулись закрытые коробки с подписанными деталями. На ближайшей лежал картон с надписью «Не выдавать до проверки». Под ней приписали другим цветом: «Даже если очень просят».

Денис выслушал историю, не перебивая. Только когда Максим сказал про поверхностную трещину, поднял голову.

— Вы по наружному контуру смотрели?

— Да. И проверяли щит.

— До нагрузки.

— До нагрузки.

Денис кивнул, пододвинул лампу и прикрыл правый глаз ладонью.

Сначала ничего не происходило. Потом его левый зрачок сузился, а радужка словно перестала ловить свет. Он наклонил голову совсем чуть-чуть и несколько секунд разглядывал одну точку.

— Замена иглы была? — спросил он.

Максим протянул документы.

Денис прочёл нужную строку, закрыл левый глаз и открыл правый. На этот раз он держал брошь дальше, поворачивая её медленно, без видимого порядка.

— У меня два предложения. Первое — вы идёте пить чай. Второе — стойте тихо и не дышите на предмет. Второе дешевле.

Лица села на табурет.

— Мы можем просто подождать?

— Это и был второй вариант, только вежливее.

Он взял тонкий инструмент, снял обратную пластину и попросил Максима подержать край футляра. Брошь снаружи осталась прежней, но внутри обнаружилась крошечная медная скоба. В одном месте её прижимал новый блестящий штифт.

Денис показал на него.

— Здесь сделали хорошо. Для обычной броши. Для этой — плохо. Нагрузку передали в узкое место. Снаружи почти не видно.

— Вы сможете вернуть щит?

— Сначала попробую убрать то, что его ломает.

— А потом?

— Потом смогу ответить на первый вопрос.

Максим почувствовал раздражение. За последние сутки слишком много людей знали, что надо было сделать раньше, но никто пока не говорил, можно ли вернуть деньги.

Денис, кажется, заметил это.

— Вы хотите, чтобы я сразу назвал приятную цену и пообещал, что всё будет как новое?

— Я хочу понять, сколько стоит попытка.

— Триста за разбор и заключение. Ремонт отдельно. Если увидим, что продолжать бессмысленно, остановимся.

Лина посмотрела на Максима. Он кивнул.

На стене возле стола висел диплом колледжа. Под ним — фотография молодого Дениса рядом с пожилым мастером и большой прозрачной пластиной. Максим задержал взгляд, и Денис проследил за ним.

— Колледж, — сказал он. — Можете передумать, пока не снял скобу.

— Я не спрашивал.

— Обычно потом спрашивают.

— Я пять лет учился оценивать и не заметил эту скобу.

Мне сейчас не до ваших документов.

Денис посмотрел на него внимательнее, а затем коротко кивнул.

Работа заняла почти два часа. Лина успела купить воды, ответить на письмо из поискового реестра и заснуть на стуле, упершись виском в стену. Максим свернул куртку и осторожно подложил ей под голову. Она чуть шевельнулась, но глаз не открыла.

Денис увидел это и без слов уменьшил яркость ближайшей лампы.

Когда он закончил, брошь лежала на белой салфетке. Скобу сняли, иглу вернули на правильное место, а тонкую трещину заполнили составом, который выглядел темнее камня.

— Проверим слабое действие, — сказал Денис. — Один раз.

Максим потянулся к броши.

— Я сам, — остановил его реставратор. — Вы уже с синяком.

Щит возник у Дениса перед ладонью — тусклый, неровный по краю, но настоящий. Он выдержал лёгкий удар деревянной палочки и пропал по команде.

Максим только тогда заметил, что задерживал дыхание.

— Уровень? — спросил он.

— Пока не пишите никакого. Неделя покоя, потом проверим. Четвёртым я бы уже не называл.

— Третий?

— Верес, хотите поспорить с предметом или заработать? Максим усмехнулся вопреки усталости.

Лина проснулась от их голосов и села ровнее, обнаружив куртку под щекой.

— Получилось?

— Удалось не сделать хуже, — сказал Денис. — Для начала неплохо.

Он назвал полную сумму. С учётом закупки, аренды стенда и реставрации заработать на броши получалось немного. Зато не приходилось считать её обычным украшением за несколько десятков монартов.

Пока Максим переводил деньги, Денис вытащил из ящика маленький медальон без цепочки.

— Можно встречный вопрос?

Лина перестала складывать куртку.

— Смотря какой, — сказал Максим.

— Вы такое раньше видели?

Медальон был гладкий, с неприметной застёжкой. Максим покрутил его, открыл и заметил внутри два тонких следа, похожих на прожилки сухого листа. Вещь не отвечала. Но она не казалась обычной, и именно это мешало быстро отдать её обратно.

— Пустой? — спросил он.

Денис чуть прищурился.

— Именно. Не сломанный. Пустой.

Максим перевернул медальон и вдруг вспомнил чашу из

перевода. «Принять в себя». Не разрушить, не стереть, не сжечь.

Рядом Лина незаметно коснулась его запястья.

— Откуда он у вас? — спросил Максим.

— С разбора старой коллекции. Все решили, что свойства выработались. Я тоже решил. А потом посмотрел внимательно.

— И что увидели?

Денис убрал медальон в ящик. По тому, как осторожно он это сделал, Максим понял: вопрос для него был совсем не встречный.

— Пока не знаю, как объяснить так, чтобы надо мной не посмеялись.

На лестнице Лина молчала. Максим поддерживал её за локоть: после двух часов на неудобном стуле у неё затекла нога.

— Даже не думай, — сказала она, когда они вышли во двор.

— Я ещё ничего не сказал.

— Ты держал медальон и смотрел так же, как на очки у Тима.

Максим открыл машину, положил футляр на заднее сиденье и некоторое время не садился.

— Если после ритуала остаётся вещь, — сказал он, — кто-то мог уже сделать это раньше нас.

Лина перестала разминать ладонью затёкшее колено.

У окна второго этажа погасла одна лампа, затем другая.

Последняя, над рабочим столом, продолжала светить.

Глава 11. Запах чужого дыма

Зажигалку принесли вместе с настольными часами, запонками и фотографией незнакомого мужчины на фоне моря. Всё лежало в обувной коробке, которую хозяйка держала двумя руками, как будто боялась передумать по дороге.

— Я не знаю, есть ли тут что-то, — сказала она. — Соседка посоветовала. Вы недавно открылись?

Максим пригласил её сесть. Женщину звали Рена. Она разбирала квартиру после отца и никак не могла закончить: на обычных вещах работа шла быстро, а возле каждого непонятного предмета приходилось останавливаться.

Лина принесла воду. Рена поблагодарила и сразу заговорила о часах. Ей казалось, что они иногда идут назад. Максим проверил механизм, поставил стрелку и попросил разрешения открыть корпус. Внутри оказалась неправильная батарея.

Запонки тоже не ответили. Фотография была просто фотографией, хотя от неё почему-то дольше не хотелось отрывать взгляд: мужчина смеялся, придерживая на голове нелепую шляпу, а за его спиной кто-то пытался поднять упавший зонтик.

— Снимок ваш? — спросил Максим.

— Мамин. Они тогда первый раз выбрались к морю. Я уже в школе училась.

Он вернул фотографию раньше, чем Рена потянулась за ней, и взял зажигалку.

Корпус был латунный, потёртый на углах. На одной стороне виднелась неглубокая вмятина, на другой — почти стёртая буква. Колёсико проворачивалось с тихим щелчком. Пламя не появилось.

— Вы ей пользовались?

— Я нет. Отец курил, но потом бросил. Говорил, что всё равно удобная. На даче печку разжигал.

Максим попробовал ещё раз. Пусто.

— Топливо давно не заливали?

— Я даже не знаю, куда.

Он перевернул корпус. Внизу не было ни клапана, ни винта. Сплошной металл, если не считать тонкого ободка. Под лупой ободок оказался не соединением деталей, а линией, повторявшей форму пламени.

Максим положил зажигалку на коврик и больше не пытался открыть.

Рена сразу выпрямилась.

— Что-то есть?

— Возможно. Нужно проверить.

Она посмотрела на Лину, а потом на коробку, где уже почти ничего не осталось.

— Если она отцовская, я бы могла не продавать. Только знать бы, не опасная ли.

Ему хотелось купить её. Не за смешные деньги — честно,

с заключением, чтобы не вспоминать потом чужие руки на обувной коробке. После визита к Денису Максим стал смотреть на каждую неотвечающую вещь чуть дольше обычного, и сейчас чувствовал, как внутри снова торопится надежда.

— Пока не вижу ничего опасного, — сказал он. — Но это предварительно.

Они предложили бесплатную короткую проверку, а за подробную назвали обычную цену. Рена согласилась на подробную и попросила не спешить.

После её ухода зажигалку заперли в отдельный ящик. Ключ остался на крючке за прилавком, документы — в папке приёмки. Максим несколько раз ловил себя на том, что смотрит в сторону ящика, хотя должен был составлять карточку дорожного фонаря.

Лина заметила.

— Ты уже решил, для чего она тебе?

— Пока она не моя.

— Хороший ответ. Сохрани до завтра.

На следующий день Рена позвонила сама. Ей понадобились деньги на перевозку мебели, и она спросила, не заинтересован ли магазин в покупке. Максим объяснил, что свойство ещё не подтверждено, предложил подождать, но женщина уже устала ждать во всех остальных делах.

Они договорились о трёх тысячах двухстах. В акте указали предполагаемый обычный ранг и необходимость проверки. Максим предложил доплату, если обнаружится более вы-

сокая категория. Рена несколько раз перечитала этот пункт, потом положила рядом фотографию.

— Это я заберу.

— Конечно.

— Просто на всякий случай говорю. А то всё вместе принесла.

Она улыбнулась, и он почувствовал облегчение: хотя бы за фотографию не приходилось торговаться.

В тот же день за очками пришёл человек, которому их не продавали.

Он вошёл без приветствия, встал у прилавка и спросил, где хозяин. Максим поднялся с пола: закреплял нижнюю полку. Лина осталась у компьютера.

— Я хозяин.

Посетитель посмотрел на отвёртку в его руке, затем на лицо. На нём была короткая кожаная куртка, а на указательном пальце — тяжёлое кольцо с чёрным камнем.

— Орсет здесь очки отдавал. Сделку отменяем.

Максим положил отвёртку на стойку.

— Вы Тим?

— Я человек, которому он обещал продать.

— У вас договор?

Мужчина не ответил. У его пальцев появилась тонкая синяя полоса, похожая на натянутую нить. Она легла на край витрины и оставила короткую матовую царапину.

Лина встала.

Максим поднял правую руку раньше, чем успел испугаться. В аудитории это движение всегда останавливали: сначала разрешение цели, потом журнал проверки, преподаватель рядом. Здесь спрашивать разрешения у человека с синей нитью он не собирался.

Поле удержалось сразу. Узкая область вокруг чужой ладони словно потеряла глубину. Нить исчезла, а чёрный камень в кольце потух.

Посетитель резко дёрнул рукой.

— Ты что сделал?

Максим молчал. Держать оказалось труднее, чем на учебной проверке. Человек двигался, дыхание сбивалось, а собственные пальцы почему-то хотелось согнуть. Он удерживал ладонь раскрытой и следил за курткой противника, стараясь не смотреть на тёмный камень.

Мужчина шагнул к витрине, схватил со стойки пустую металлическую рамку и поднял её.

Максим отступил. Рамка ударила по прилавку, сдвинув папку с документами. Звук был резкий и совершенно обычный. Поле ничем не помогло бы его голове.

— Камера пишет, — сказала Лина. — Нить, повреждение и удар. Выход там же, где был вход.

Посетитель посмотрел на неё. Затем на маленький глазок над дверью.

— Орсет со мной договорился.

— Обсудите с Орсетом, — ответил Максим. — Здесь его

вещей нет.

Он не стал добавлять, кому продал очки. Плечо уже начинало ныть, и пауза казалась длиннее, чем была.

Мужчина отступил к двери, не сводя с него глаз. После сорвалось, когда он вышел за стекло. Камень на кольце вспыхнул снова; посетитель посмотрел на собственную руку и только после этого ушёл.

Максим опустил ладонь. Пальцы дрожали.

Лина заперла дверь, вернулась к витрине и провела ногтем по царапине.

— Ты цел?

Он кивнул.

— Я не думал, что он возьмёт рамку.

— Зато он теперь знает, что кольцо рядом с тобой ему не поможет.

Максим сел на край стола. В документах его способность относилась к легендарным, пятого уровня. Он привык сообщать это почти извиняющимся тоном: сильная категория, а показывать на людях нельзя, применять без разрешения нельзя, заработать обычной работой трудно. Сейчас впервые не требовалось объяснять, зачем ему такой дар.

Лина принесла воды.

— Сохраним запись. И Тиму позвоним. Вдруг этот человек к нему поедет.

Максим взял телефон левой рукой. Правую всё ещё ломило, но внутри поднималось что-то горячее и радостное, и

радоваться этому при взгляде на испорченную витрину было неловко.

Тим ответил сразу. Он действительно собирался продать очки тому перекупщику, но ничего не подписывал и денег не брал. Услышав про визит, начал извиняться. Максим оставил его, попросил быть осторожнее и договорился переслать сохранённый фрагмент записи.

Потом Лина сфотографировала повреждение, а Максим убрал рамку со стойки в ящик. Он неожиданно ясно понял, зачем Борен держит тяжёлые инструменты ближе к руке.

Зажигалка впервые загорелась вечером у Борена. В мастерской погасло электричество, а запасная лампа оказалась разряженной. Сосед ругался на себя и пытался найти коробок спичек в ящике, где лежало, кажется, всё остальное. Максим пришёл отдать ему подписанный акт по застёжке и вспомнил о покупке в кармане.

Колёсико щёлкнуло. Над корпусом поднялся маленький ровный огонь.

— Ну хоть кто-то работает, — сказал Борен.

Максим поднёс пламя к толстой свече. В темноте запахло воском, кожа тускло заблестела на колодках, а сосед нашёл наконец нужный ящик и вытащил из него пустой коробок.

Зажигалка грела ладонь едва заметно, но устойчиво. Когда Максим передал её Борену, пламя исчезло. Сосед покрутил колёсико, хмыкнул и вернул.

У Максима огонь появился сразу.

По дороге обратно он не убирал вещь в карман. В магазине Лина записывала расходы при свете телефона. Максим зажёл вторую свечу и поставил возле неё на блюде.

Она подняла глаза.

— Отвечает?

Он кивнул и протянул зажигалку. У Лины не получилось. У него — снова получилось.

— Ещё не значит, что согласна на всё, — сказала она.

— Я помню.

Зажигалка оставила на пальцах слабый запах чужого табака. Максим подумал о мужчине на фотографии, который бросил курить, но не избавился от вещи. Потом позвонил Рене и сказал, что нашёл подтверждение обычного свойства.

— Спасибо, — ответила она. — Он бы обрадовался. Любил, когда его старьё ещё работало.

Максим хотел спросить, как долго зажигалка была у её отца, но не стал задерживать. По телефону слышался шум грузчиков. Рена пожелала магазину удачи и отключилась.

Лина смотрела на него из-за прилавка.

— Почему не убрал в продажу?

Он положил зажигалку рядом с дедушкиным конвертом, который принёс из дома утром.

— Пока оставлю себе.

Она покосилась на вывеску за стеклом и ничего не сказала.

Глава 12. Тёплая ладонь

К ритуалу готовились два дня, хотя в записке не было ничего, что требовало бы такой подготовки. Медную проволоку купили в хозяйственном магазине, чашу — у женщины, распродававшей ненужную посуду. С золой возникла проблема: Максим сначала подумал о пепельнице, но Лина заставила его ещё раз перечитать перевод.

В тексте говорилось о чистом древесном пепле. В итоге Борен принёс маленькую банку с дачи и не спросил зачем, только предупредил, что в ней раньше было варенье.

Они выбрали вечер, когда магазин был закрыт, а соседи уже ушли. Заперли наружную дверь, проверили запасной выход, убрали со стола всё лишнее. Лина настояла, чтобы телефон лежал рядом и не был переведён в беззвучный режим.

— Ты думаешь, понадобится помощь?

— Я думаю, что мы не знаем, понадобится ли помощь.

Максим не стал спорить.

Зажигалка лежала в центре круга. Никаких свечей вокруг не ставили. Свет давала обычная настольная лампа; в её белом пятне особенно хорошо были видны царапины на латуни.

Он коснулся корпуса и вдруг почувствовал неловкость. Несколько недель назад идея получить чужую силу выглядела настолько захватывающей, что все промежуточные дей-

ствия казались простой работой. Теперь перед ним лежал предмет, который охотно помог зажечь свет в мастерской, и приходилось попросить у него гораздо больше.

— Ты можешь пока остановиться, — сказала Лина.

Максим посмотрел на неё. Она сидела по другую сторону стола, убрав волосы за уши, и держала лист с переводом. Не уговаривала, не улыбалась, не пыталась скрыть собственное беспокойство.

— Я хочу попробовать.

— Тогда не торопись.

Он подождал. Дотронулся ещё раз, поднял зажигалку и зажёл. Пламя стояло ровно, хотя от вентиляции тянуло к двери. Максим некоторое время смотрел на него, вспоминая строчку об ответе, и понял, что не сможет произнести красивую просьбу. Получалось бы так, словно он разыгрывает чужую церемонию.

— Я хочу научиться, — сказал он тихо. — Сам. Если можешь отдать — я приму.

Лина опустила взгляд на перевод, затем обратно на его руку.

Зажигалка согрелась. Не стала горячее — тепло просто распределилось по ладони, как если бы маленький корпус оказался больше собственной формы. Огонь наклонился к пальцам.

Максим не отдёрнул руку.

Первые слова он прочёл по бумаге. На середине голос сел;

пришлось остановиться, сглотнуть и продолжить. Медный круг не засветился. Чаша не зазвенела. Зола осталась золой.

Потом исчезло пламя.

Максим попытался вдохнуть и вдруг понял, что воздух не доходит до конца. В груди было тесно, а от ладони до локтя шла длинная тёплая боль. Он услышал, как скрипнул стул, и увидел пальцы Лины поверх собственных.

— Смотри на меня.

Он поднял глаза. Её лицо оказалось гораздо ближе, чем было секунду назад.

— Дыши. Не глубоко. Просто дыши.

Максим послушался. Чужая рука держала его запястье; край стола врезался в живот. Он сумел отодвинуться и только тогда заметил, что всё ещё сжимает зажигалку.

Металл был холодный.

— Разожми, — сказала Лина.

Он разжал пальцы. Зажигалка опустилась на коврик с обычным сухим стуком, который почему-то испугал больше, чем боль.

Лина убрала круг со стола, не разрывая проволоку, и придвинула воду. Максим сделал глоток, потом ещё один. Его мутило. Лампа светила слишком ярко, и он прикрыл глаза.

— Получилось? — спросил он.

— Пока сядь нормально.

Ему хотелось возразить, но голова вдруг накренилась сама, и он упёрся лбом ей в плечо. Лина подержала его так, по-

том осторожно помогла перебраться на диван в задней комнате.

Сколько прошло времени, Максим не понял. Когда открыл глаза, на нём лежала куртка, а Лина разговаривала по телефону, стоя у двери. Он услышал своё имя и приподнялся.

Она закончила разговор.

— С кем?

— С дежурной консультацией. Сказала, что после магической нагрузки болит голова и тошнит. Если ухудшится — едем.

— Ты могла...

— Могла. И поедем, если станет хуже.

В её голосе было столько усталого упрямства, что Максим снова лёг.

Зажигалка стояла на полке, отдельно от остальных вещей. Он смотрел на неё долго, прежде чем понял: не ждёт отклика. Прежде всякий раз хотелось взять, повернуть, попробовать колёсико. Теперь латунный корпус выглядел законченным, как закрытая коробка, в которой точно ничего нет.

Он поднял правую руку. Кончик указательного пальца был тёплым.

Максим сосредоточился, стараясь вспомнить не слова ритуала, а само ощущение огня. Пальцы задрожали. Боль в виске вернулась резче, и Лина сразу села рядом.

— Нет. Сегодня хватит.

Он опустил руку. Через минуту стало легче.

До дома они добрались на такси. Лина не разрешила ему вести, а когда он предложил заказать ей отдельную машину, посмотрела так, будто он после всего случившегося окончательно потерял способность понимать простые вещи.

Она осталась. На диване было неудобно, поэтому Максим принёс вторую подушку на кровать и лёг с краю. Лина поставила воду на тумбочку, выключила лампу и некоторое время возилась, устраивая одеяло.

— Ты не спишь? — спросил он.

— Уже почти.

— Я больше так не буду.

Она повернулась к нему в темноте.

— Как?

Он попытался подобрать слова и не смог. «Рисковать» было неправдой. «Пугать» не зависело от намерений. «Не торопиться» он уже несколько раз обещал за последние недели.

— Один, — сказал Максим. — Без тебя. Если будет ещё раз, сначала всё обсудим.

Лина нашла под одеялом его руку.

— Хорошо.

Она заснула раньше. Он чувствовал её пальцы на запястье и смотрел в тёмный потолок, пока не перестал различать прямоугольник окна.

Утром огонь появился сам, когда Максим потянулся за упавшей ватной палочкой. Крошечная жёлтая точка вспых-

нула над подушечкой пальца и сразу исчезла. Палочка почернела с края.

Он сидел на кровати, не двигаясь. В голове было тихо, если не считать тупой тяжести за правым глазом.

Лина проснулась от того, что он слишком долго молчал.

— Что?

Максим показал палочку.

Она посмотрела на чёрную точку, потом на его руку. Оба несколько секунд пытались сказать что-нибудь подходящее, а затем Лина засмеялась, закрыв лицо ладонью.

Он тоже засмеялся, хотя от этого сразу заболела голова.

На три тысячи двести монартов можно было купить хорошую плиту, несколько месяцев ездить на такси или просто оставить деньги на счёте. Максим теперь умел поджигать ватную палочку.

И всё равно ему хотелось немедленно разбудить весь город.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.